

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

The background of the cover is a detailed illustration of a man with a dark beard and hair, wearing a white shirt, embracing a woman from behind. The woman has long, dark, wavy hair and is wearing a black top. Her hand is visible on the man's chest, with red-painted fingernails. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, creating a sensual and intimate atmosphere.

Ничей
Её МОНСТР

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева
Ничей ее монстр
Серия «Монстр и Девочка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41991519

SelfPub; 2022

Аннотация

Любить монстра не просто страшно, любить монстра больно и смертельно опасно. Мой монстр сделал все, чтобы меня раздавить и опустить на самое дно... Убить физически и морально. Но за все приходится платить. Мне – за безумную и грязную любовь к чудовищу, а ему – за все его грехи. И я не знаю, чья расплата станет более лютой. Моя, когда есть только одна причина жить дальше... или его, когда не осталось ни одной, а вокруг глухое одиночество и вечный мрак. Заключительная часть дилогии.

В оформлении обложки использована фотография автора Volodymyr Tverdokhlib. Лицензия 135427628, Depositphotos.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ульяна Соболева

Ничей ее монстр

Глава 1

Мой Ад начался, и больше ему не было видно ни конца, ни края. Я не успокоилась. Я сходила с ума. От боли, от ревности, от ненужности и осознания своей убогости. Мне хотелось умереть. Я превратилась в комок страданий и ненависти. И все еще ждала, что он придет. Верила, что это не конец. Что все еще можно вернуть. Около месяца я из квартиры не выходила. Лежала часами на полу и смотрела в потолок, превращаясь в подобие человека. Мне было плохо и физически, и морально. Казалось, что меня просто раздавило, и я не могу собрать свои кости в единое целое.

Я взрослела с каждой секундой этой агонии, с каждым мгновением. Как по щелчку пальцев, я вдруг превратилась в вывернутую наизнанку и выпотрошенную игрушку. И самое отвратительное, что выпотрошил меня тот, в чьи руки я отдалась сама и истступленно целовала эти пальцы. Любила каждый из них... и люто ненавидела сейчас. Но кому я лгу, я еще была настолько ослеплена и больна, что я бы ему все простила, если бы вернулся. У первой любви нет гордости,

она готова унижаться, стелиться по полу и кататься в грязи. Она умирает от боли и не умеет защищаться, она преданно подставляет вторую щеку, она тянет сломанные руки, чтобы их сломали еще раз, и плачет кровавыми слезами, умоляя дать ей шанс. Потом она окрепнет, восстанет из пепла, обростет циничностью и опытом... если выживет. Я могла бы его простить и простила бы. Настолько слабая и ничтожная, маленькая влюбленная дурочка. Барский выкинул свою любимую игрушку и тут же нашел себе другую, при этом совершенно наплевав на ту, что оставил гнить в углу.

Но надежда не умерла, и я вспомнила его слова о возвращении домой. Наверное, у меня ведь есть еще шанс вернуться к нему. Когда буду рядом, когда будет видеть меня каждый день, а я его. Я взяла себя в руки и отодрала с пола. Постепенно привела в нормальный вид, даже съездила в универ, сходила в парикмахерскую и обновила гардероб. Что не изменилось, так это щедрость Захара. Он ни в чем не ограничивал мои расходы. Казалось, что моя кредитка просто резиновая.

Мне становилось легче от мысли, что, если все получится, он вернет меня в свой дом. А там у меня появится шанс. Я была готова на что угодно. Мне казалось, как и всем наивным девочкам, что я смогу снова соблазнить, снова увлечь. Мне бы только раз в его объятия, только раз в его руки и губы только раз на своих почувствовать.

Я ведь еще так долго не верила, что это конец, хотя все

ведь было ясно даже ребенку, и боль, не прекращая, пульсировала в голове, разрывала виски. Это был самый первый удар от жизни прямо под дых и в самое сердце. У меня не просто почву из-под ног выбило. У меня мир отобрали. Мои розовые очки уже треснули и скоро повырезают мне глаза осколками.

И я вернулась. И нет, это не было так, как я себе нарисовала. Все было хуже. Я шагнула в океан пыток добровольно. По самое горло в кипящее масло. Видеть его жену, детей и его самого... Больше всего оказалось увидеть Барского вживую, спустя столько времени. Сердце зашло и задрожало в дикой агонии. Все тело стало гранитным камнем, все нервы завибрировали. И я рассыпалась в крошево к его ногам, к начищенным туфлям. Он не знает, а я валяюсь там внизу и мысленно обнимаю его колени поломанными руками, умоляя сжалиться и дотронуться до меня. Теперь я знала, что такое боль. Настоящая и невыносимая. Эта тварь вгрызлась мне в сердце и раздирала его на части.

Никто и никогда не причинял мне столько боли, сколько причинил он в этот первый день нашей встречи. Когда стоял напротив меня и с равнодушным видом осмотрел с ног до головы своими ледяными волчьими глазами.

– Здравствуй, Есения.

Хлыстом по самому сердцу, и в голове пульсацией:

«Моя девочка, скучала по мне? Скажи, что ты моя девочка... я такой голодный на тебя».

А сейчас даже не верится, что его изогнутые чувственные губы шептали мне грязные нежности, ласкали мое тело. Он совершенно не изменился, только казался уставшим и... повзрослевшим. Мне даже почудилось, что на его висках больше седых волос, чем было раньше.

– Мы рады, что ты вернулась. Здесь тебе рады.

Посмотрел на часы и прошел мимо меня. Просто мимо, а я вою, я мысленно ору от отчаяния и тоски. Как же хочется вцепиться в его руки, в его плечи и отчаянно кричать «почему?». И ничего в его глазах не увидела. Пустые глаза. Как будто мертвые. И меня трясет от понимания, что он наслаждается этими моментами своего триумфа, сломал меня, уничтожил, как и обещал. И продолжает держать при себе. Конечно, я ведь должна помнить, почему я вообще здесь. Новое развлечение Барского – смотреть, как я буду умирать рядом с ним. И я умирала от того, что он сделал со мной, я рассыпалась в пепел.

Как же я верила, что между нами что-то особенное, верила в счастье и в любовь. Барский сожрал мои чувства, обглодал их и вышвырнул на помойку... так быстро. Так мучительно мимолетно. Надоела и стала неинтересна.

Но я еще не теряла надежду.

Я ждала его возвращения домой, стоя у окна. И дождавшись, выбегала вниз, чтобы просто увидеть и столкнуться на лестнице. Он холодно здоровался и проходил мимо. За столом даже не смотрел в мою сторону, а меня бомбило, меня

подбрасывало, и я истерически делала ошибку за ошибкой. Те, что делают надоедливые маленькие дурочки.

Жизнь продолжается. Дни за днями монотонно и одинаково. А мне плохо и легче не становится. Мне кажется, я и физически разломана на куски. От слабости и постоянных слез кружится голова и скручивает в узел желудок.

Вокруг вечный праздник. Словно Барский решил отмечать каждый чих и разъезжать на всякие светские рауты и балы.

И я умираю под музыку в очередной раз. Вокруг шикарно одетые пустышки, вышколенные официанты. Антураж лицемерно-лживого веселья. И я вижу только одного мужчину. Он для меня умопомрачительно красив и сексуален. Вокруг него толпа женщин, прихлебателей, журналистов. Он улыбается своей надменной улыбкой и завораживает голубыми глазами. И эти женщины. Нескончаемые женщины со взглядами текущих сучек, облизывающихся на него. Роняющих слюни. И меня преследует мысль, что он каждый раз выбирает, кого из них отыметь. Прямо здесь на банкете. Потом мне кажется, что он уже с ними спал. И я схожу с ума, у меня разламывает виски. Он уходит куда-то, а я ревниво хочу бежать следом и сдерживаю себя адским усилием воли. Ничего не радует, и я стою тенью где-то у окна... ожидая, когда проклятое веселье окончится. Не просто больно, а адски невыносимо понимать, что совсем недавно это было так просто – подойти к нему или поманить взглядом.

Но такие, как Захар Барский, никого не любят. Только используют, отнимают, втаптывают в грязь и жестоко казнят... Так же он поступил и со мной. Он – хозяин этого города, он старше меня вдвое, у него своя семья, а малолетняя оборванка, как я, никогда не стала бы ее частью. Если б не жуткая тайна, которую он скрывает от всех и я, так не вовремя появившаяся в его жизни, с угрозой эту тайну раскрыть. Я, ненавидевшая его за то, что он отнял у меня детство, и полюбившая с первого взгляда монстра с волчьими глазами. И теперь сдыхающая от этой любви совершенно одна.

Намертво привязанная к нему какой-то больной одержимостью. И нуждающаяся в нем, как в воздухе.

Меня несло на волне цунами в самую пропасть отчаяния... когда он улыбался не мне. Я завидовала им, что они могут видеть эту улыбку так близко. А ведь я когда-то совсем недавно трогала ее руками и губами.

Дергаюсь каждый раз, если он накрывает руку собеседницы своей, и схожу с ума, когда ночью слышу, как вошел в комнату к Светлане. Но у меня все еще была надежда, которую он вырвет с корнем и оставит меня истекать кровью.

Перед очередной вечеринкой я, пошатываясь от все той же необъяснимой слабости, вошла в ванную и, оперевшись на руки, посмотрела на себя в зеркало... Что-то не так. Я что-то делаю не так. Не может он вот так просто забыть меня. Не может быть, чтоб я ему не нравилась... ведь я изменилась. Я стала красивее. Стала ведь. Мне все это говорят.

Я вижу это во взглядах мужчин.

Я заставлю его посмотреть на меня. Заставлю вспомнить все, что между нами было. Он ведь хотел меня. Дико, зверски хотел. И сейчас захочет. Я женщина, а он мужчина.

Вытащила ворох вещей и швырнула на постель... выбор пал на то красное платье. В голове молниями вспыхнули воспоминания об ударе ремнем, и по телу прошла судорога боли и удовольствия. Оттуда и начался обратный отчет. Прошло достаточно времени, и я теперь в этом платье выгляжу иначе. Мое тело изменилось и округлилось, у меня отросли волосы, и я уже не пятнадцатилетняя малолетка.

Слегка ослабила шнуровку на талии. Несмотря на все нервные потрясения, я немного набрала вес. Хотя, конечно, за эти годы я могла измениться. Но я нравилась себе больше без угловатостей и выпирающих коленок. Он ведь тоже заметит. Не может не заметить. Опустила пониже декольте так, что полушария груди приподнялись вверх. Моя грудь стала более округлой и пышной, упругой. Красный шелк подчеркивал белизну кожи и маленькую родинку чуть ниже ключицы. А так же тонкий розовый шрам от ремня. Он притронется ко мне и не выдержит... почувствует мой запах. Он ведь говорил, что любит его. И волосы. Распущенные до талии. Его любимые рыжие пряди.

«Моя голая Лисичка, дай посмотрю на твое тело. Ты идеальна! Ты знаешь? Каждый твой изгиб сводит с ума. Станцуй для меня. Вот так вот. Одета в твои волосы».

Когда вышла в залу, на меня все обернулись, и я увидела эти взгляды. Такие красноречивые, пошлые, настоящие мужские взгляды. Барский стоял у бара рядом со Светланой и еще двумя женщинами. Он заметил меня не сразу... а когда заметил, то лишь скользнул взглядом и тут же поднес бокал к губам. Но не выпил маленькими глотками, а осушил до дна и тут же взял другой.

Играла музыка, и кто-то из гостей уже танцевал. Он не сможет мне отказать, если приглашу при всех. Я нагло прошла через весь зал и подошла к Барскому, остановилась напротив.

– Добрый вечер, – громко, привлекая внимание и заставляя его посмотреть прямо мне в глаза. Не выдержал, скользнул по всему телу своим волчьим взглядом, заставляя сердце болезненно сжаться. Снова посмотрел прямо в глаза, и в зрачках холод и недовольство. И я уже шатаюсь, как от жестокого удара. Я уже ментально плачу от этого взгляда. Восхищение, если и промелькнуло, то тут же сменилось отчуждением.

– Я думал, у нас благотворительный ужин, а не вечеринка с обнаженкой.

Я проигнорировала его слова и все так же решительно сказала:

– Я хочу пригласить тебя на танец. Мы никогда не танцевали с моим любимым опекуном. Ты ведь не откажешь своей приемной... дочери, – на слове «дочери» он поморщился

так, будто ему загнали под ногти гвозди. Я протянула руку, и он ее взял в свою. Тут же сдавил так, что у меня прошла судорога боли. И плевать. Пусть давит.

Повел в глубь залы, буквально кроша мои пальцы. Резко крутанул и тут же вошел в танец, застигая врасплох. Но я мягко влилась в танец. Посмотрела ему в глаза и поняла, что это конец. Ничего из этого не выйдет. И как бы меня не вело от его ладони на моей талии... я не могу не видеть, что ему это не нравится. Он напряжен до предела, и это совсем иное напряжение. Это не возбуждение. Он нервничает и очень сильно. Злится.

Мягко улыбнулась и положила руку на его затылок, поглаживая кожу дрожащими пальцами над самым воротником. .

– Это платье... ты его помнишь? Два с половиной года назад ты...

Он прервал меня грубо, с явным раздражением:

– Послушай меня, Есения, и послушай внимательно. Второй раз я повторять не буду.

Дернул к себе, но удерживая между нами дистанцию таких размеров, будто боялся ко мне прикоснуться.

– Я ничего не помню и помнить не хочу. Ни с тобой, ни с кем-либо другим. Ты выдумала себе неизвестно что. Я просто тебя трахал, – от этих слов его тоже передернуло, и у меня сдавило виски, дышать стало нечем от этого выражения лица – брезгливости и отвращения, – пару раз под настроение. И все. Ничего больше. Ты мне неинтересна. Ты никто.

Ты пустое место. С тобой и поговорить не о чем. Ты что о себе возомнила? – он говорит, а его голос растворяется, как в тумане, глохнет где-то под потолком, и у меня его лицо то расплывается, то снова появляется. – Думала, я разведусь, и мы заживем долго и счастливо? Девочка, очнись. Если ты продолжишь и дальше лезть ко мне и вешаться на меня, я избавлюсь от тебя, – все расплывается еще сильнее, – я тебя просто уничтожу. Живи и наслаждайся тем, что тебе дают. Между нами никогда больше ничего не будет. Ты мне не нужна. Ясно? Все. Хватит.

Ноги подкосились, и я вцепилась в его плечи.

– И твои попытки меня соблазнить жалкие, малышка. Ты – это отработанный материал. Не вынуждай вышвырнуть тебя. Ты мне не нужна, поняла?... Не нужна... не нужна.

Картинка поплыла, рассыпалась перед глазами, стала затягиваться черным туманом, и я начала падать в пропасть. Эхом слыша его последние слова.

А когда пришла в себя, то лежала на кушетке, возле меня Барский и какой-то пожилой мужчина с саквояжиком. Кажется, мы в кабинете Захара.

Мужчина повернулся к Барскому.

– Тут, конечно, нужны проверки и анализы, но не думаю, что с молодой барышней что-то страшное. У нее понизилось

давление, есть, наверное, небольшая анемия, судя по бледности кожи. Но в ее состоянии это и не удивительно.

– В каком состоянии? – рявкнул Барский.

– Девочка ждет ребенка. Ну это процентов девяносто, а остальное может оказаться чем угодно. Лично я советую для начала сделать обыкновенную проверку на беременность, и я более уверен, что мое предположение подтвердится. Внешние признаки слишком явные.

Глава 2

Это проклятое письмо превратило меня в живого мертвеца, в подобие человека, который не может жить как раньше и никогда не станет прежним. В свое время я считал, что не существует чего-то, что способно выбить у меня почву из-под ног. Я слишком долго эту почву вспахивал, поливал и удобрял, чтобы позволить хотя бы чему-то испортить мои планы или изменить мою жизнь. Я из тех, кто никогда не ждет манны небесной, я делаю ее сам, своими руками, и, если не получается, я буду переделывать до тех пор, пока не получится. И, возможно, пока я буду крошить собственные амбиции, власть, цели в миксере, чтобы распылить над своей же головой, туда попадут чьи-то кости, чьи-то желания, чьи-то мечты и станут тленом в угоду моим. Меня это никогда не волновало. Мир создан сильнейшими для сильнейших. Пищевая цепочка и закон джунглей. Если я могу поглотить более слабого, чтобы насытиться, я это непременно сделаю, пока другие думают о толерантности, демократии и свободе слова, я растираю в порошок собственную манну, возможно, состоящую из плоти моих конкурентов. Впрочем, я никогда и никого не считал своим конкурентом, я смотрел только на себя. И если кто-то пытался мне мешать, просто сметал с дороги, как ненужный мусор. Пока вы мне не ме-

шаете – вы живы.

Но с появлением Есении все это начало меняться. Катиться в какую-то дьявольскую пропасть. Я ведь был всегда с понятиями о том, как правильно, я давал своей жене и своим детям то, что считал необходимым. Я заботился о них. Я жил по неписанным правилам и кодексу чести Барского. У меня не было такого понятия, как беспорядочная щедрость или бездумное расточительство, я никого не баловал, но и не напрягал. У каждого свой бюджет. Все покупки рассчитаны и продуманы. Но у них у всех было реально все, что они могли пожелать и что соответствовало моему статусу. Кто-то считал меня скрягой, кто-то не понимал скрупулезности ведения бюджета, но я слишком много вложил в то, что имел на сегодняшний день, чтобы быть расточительным. Не скупой платит дважды, а расточительный идиот остается с дыркой в трусах.

И впервые мне захотелось потратить на хер все, что у меня было, швырнуть к ее ногам Вселенную. Положить к маленьким розовым ступням, отдать последнее, что у меня есть. И это пугало. Это сводило с ума. Я открыл для нее безлимитную карту. Кто б знал. Она ведь могла тратить миллионы. Но никогда не тратила и десятой части. Я делал ей подарки. Каждый день. Нет. Не для того, чтобы купить ее любовь... нет. Я делал ей их потому, что знал – она меня любит. Я ощущал это всем своим существом. Видел в ее глазах и сходил с ума, когда она бежала по ступенькам мне навстречу и бро-

салась на шею, едва я возвращался домой. Оказывается, я никогда не знал, что это такое. Меня шатало, как пьяного, от осознания, что меня, и правда, любят. Да, я произносил про себя это слово и удивлялся, что раньше его не существовало для меня. Я ее баловал. Мне хотелось осыпать ее всем, что пожелает. И я разрывался от счастья, когда она так искренне и самозабвенно радовалась подаркам. Носилась с ними, спала в них.

Я говорил ей не строить розовых замков, а сам строил целые миры вместе. Я продумывал, как и где смогу быть с ней всегда. Как не в ущерб всем остальным я могу наконец-то быть реально счастлив сам. Я говорил ей, чтоб она не придумывала любовь, а сам придумывал не просто любовь, а одержимость этой малышкой. У меня съехали мозги. Впервые влюбиться, когда вам за сорок – это сродни падению в огненную бездну. Это как заболеть безобидной детской болезнью во взрослом возрасте и переносить ее со смертельными осложнениями, и подыхать от побочек.

Каждый день с ней мне казался последним. Я боялся, что она, такая юная, пресытится мною, наестся моей любовью и улетит, как в песне «Машины времени». Я плотно закрывал все окна и сторожил ее сон. Никаких прогулок и полетов по ночам. Только со мной, подо мной и на мне.

Я учил ее страсти, учил плотской любви, и она инстинктивно превосходила своего учителя своим настоящим огнем. Заставлял кричать и сходил с ума, слыша, как она хрипнет.

Ласкал пальцами, языком. Да, черт возьми, чем я только ее не ласкал. Мне хотелось залюбить каждый миллиметр ее тела. Она умоляла прекратить или не прекращать, кусала свои розовые маленькие губки. Да, они были у нее маленькие и нежные. Никакой модной опухлости, как будто пчелы бешеные покусали, а естественный изгиб и нежность. Они опухали только после того, как я терзал их всеми способами. Я набрасывался, как голодный волк на свою добычу, стараясь насытиться её телом и голосом, прерывистым дыханием и слезами наслаждения.

И ни черта не насыщался. Мог иметь ее всю ночь напролет и наутро уходил с вздыбленным членом. А по ночам смотрел в потолок и слушал ее дыхание, лихорадочно думая, где ее спрятать, где укрыть от всех и иметь право любить сколько хочу. Может, плюнуть на все и развестись к такой-то матери? Дети уже взрослые. Жена? Ну так я бы ее не обидел. В конце концов у нас не царский режим и не католическое венчание. Разводятся даже президенты. Выдержал бы какое-то время и сделал рыжую ведьму своей. Окольцевал и никогда не отпускал даже на миллиметр от себя. Заделал бы ей мелких рыжих бесенят.

И эта мысль поразила меня сильнее всего... я никогда не говорил своей жене об аборте. Но я и не желал детей. Они просто появились, и я заботился о них. Как положено. Принимал известие от супруги, поздравлял ее и дарил подарок. Дети – это продолжение рода. Это хорошо. И у меня есть ре-

сурсы позаботиться о них и обеспечить всем, что нужно... И я любил их. По-своему. Сдержанно. Я не умел иначе.

А сейчас целовал тоненькую шейку между рыжих кудряшек, гладил рисунок лопаток, проводил губами по выпирающим косточкам позвоночника, опускаясь до поясницы, трогал ямочки над округлыми ягодицами и представлял ее с животом. Я свихнулся. Кризис послесороковника, наверное. И плевать. Я впервые в своей жизни был счастлив. Не продуманно, не шаблонно. А по-настоящему.

И еще во мне проснулась дичайшая ревность. Адская, бешеная и неконтролируемая. Я ревновал ее ко всем и ко всему. Даже к ее танцам, к ее учителям, к своим охранникам, которых мог на хрен уволить, если мне не понравилось, как они на нее смотрят. К любому, что отвлекало ее от меня, что было на мой взгляд более значимым в ее глазах. Но я никогда ей этого не показывал, кроме ревности к другим мужикам. Тут меня всегда срывало в самый лютый мрак, и я лютовал так, что не узнавал сам себя. Менял свой же персонал, водителей выбирал постарше, пострашнее и всегда ревниво следил, чтоб никто не смел даже выдохнуть в ее сторону. Плевать, что человек до этого проработал у меня много лет. Ни черта не важно, если это угрожало моим отношениям с девочкой. И все начали бояться, и правильно, я за свое глотку перегрызу, а Лисичку я считал более чем своей.

Это письмо меня разодрало на куски... оно перевернуло мне сознание и выкрутило его наизнанку. Меня перемолоти-

ло в мясорубке со ржавыми ножами. Я перечитывал и перечитывал, и перед глазами стояло чуть размытое лицо Милы. Она подо мной, на мне... наш секс чуть позже еще несколько раз. И я понимал, что самое жуткое – это не ложь. Это правда, которая всплывает спустя годы, чтобы поглотить вас, засосать в самое грязное и вонючее болото, какое только можно себе представить. Я слишком хорошо знал Милу. Она бы промолчала, она бы сожрала собственный язык, лишь бы не сказать. Честно? Мне тогда было насрать, от кого она родила. Я спросил – она ответила, снимая с меня всю ответственность. С этого момента и для меня ее ребенок был от Сергея. Но даже знай я тогда правду, и при этом, если бы эта правда не угрожала моей семье и карьере, я бы не считал этого ребёнка своим. Чистая биология. Да, я циничный сукин сын... **БЫЛ!**

А сейчас блевал, выворачивая внутренности и вспоминая, как имел свою девочку разными способами, и снова блевал. Меня пронизывало судорогами боли, меня просто разламывало безостановочно. Я начал пить. По вечерам запираюсь в кабинете и заливать проклятые воспоминания коньяком, водкой. Утром меня приводили в чувство лекарствами, уколами, и я более или менее становился похожим на человека. Я бы не сказал ей... никогда бы не сказал. Это слишком жестоко, это сломать ей психику, как она поломалась у меня. Я выл, я рычал, сдавливая голову руками. Я ненавидел и презирал свои руки, свои губы, свой член. Все ненавидел. Я

себя проклинал. Я посмел ее замарать собой! Я такое с ней вытворял... дьявол, лучше бы я сдох на месте, чем все это помнить.

Был ли я способен вышибить себе мозги? Вполне! Но меня останавливало то, что тогда у нее не будет будущего... я слишком ее любил... да, слишком любил ее, чтоб быть настолько эгоистом и оставить с этим одну. Любил не как отец! «Отец»! Чтоб я сдох. Меня выворачивало от одного слова. Моя девочка... как я не почувствовал... как? Смотрел на ее мучения после нашего расставания и впервые ощутил, как жжет глаза. Как скручивает горло и дрожат руки. Я не выносил ее слезы, не выносил даже, когда она просто была не в настроении. И сам заставил рыдать и сходить с ума... но пусть лучше ненавидит меня, как подонка, бросившего ее. Это банально и случается сплошь и рядом, чем знает, кто я ей на самом деле и что делал с ней. Ей станет легче. Она излечится... и я. Когда-нибудь я справлюсь. А если и нет – это только мои проблемы.

Привез ее домой. Думал, так лучше. А стало еще хуже. Видеть каждый день, проходить мимо, чувствовать запах и не притронуться, не прижать к себе. Ад. Пекло, которого не пожелаешь и врагу. И ненависть к себе растет с каждой секундой. Чем сильнее желаю ее, тем сильнее себя ненавижу. Отшвыривал, отдирал с мясом и зверел от боли. Девки каждый день новые. Выпивка с таблетками, которые выпил мне мой личный психиатр, притупляли агонию. Я пре-

вращался в машину, которая существовала на автомате. Но рядом с ней не помогало ничего, я оживал. Воскресал. И тут же умирал снова.

Смотрел на ее рыжие волосы, и тут же чувствовал, как их шелк скользит у меня между пальцами, и думал о том, что обязан держать себя в руках. Она будет жить дальше, она получит все, что полагается дочери Барского. Пусть и незаконнорожденной. У нее будет будущее. С другим мужчиной... она будет счастлива, и заранее сдыхал от ревности. Дьявол свидетель, как я удерживался, чтобы не биться башкой о стены. Я стирал в порошок каждого, кто лез ко мне, каждого, кто мне не нравился. Я озверел, и мои подчиненные это понимали, они притихли и боялись свихнувшегося монстра. Мне казалось, что это поможет не думать о ней, не представлять ее будущее с другим, не сгорать от бессильной ненависти и не желать просто убить ее. Прекратить свои мучения ее смертью. Ведь это так просто... и одновременно с этим совершенно невозможно. Я тут же и сдохну сам.

Когда бил ее словами... я ощущал эти удары. Каждый из них. Ножом в сердце, под лопатки, в спину, в живот. Я весь был исколот своими же ударами. Она плакала, и я рыдал вместе с ней молча и с каменным лицом. И я начал верить в проклятия. Меня точно прокляли люто, безжалостно и по-черному жутко. Меня заставили гнить живьем от самого отвратительного поступка, который может совершить мужчина... если такого, как я, после этого можно назвать мужчиной.

Она! Моя! Дочь! И это отрезвляло. Вызывало брезгливую тошноту от себя самого.

Я и ее ненавидел за то, что не отстает и дразнит меня, маячит перед глазами в сексуальных нарядах, смотрит этими своими бирюзовыми глазами, полными отчаянной тьмы. Пригласила на танец, а я прикоснуться к ней боюсь. Меня в пот швыряет. Трясет всего.

И это оказался только шаг в бездну... самый первый. А потом меня подожгли живьем. Облили серной кислотой, бензином и поднесли спичку.... Мои мечты исказились таким чудовищным образом, что внутри меня корчился и хохотал обезумевший я. Он резал себя на куски и истекал кровью прямо в том кабинете, когда она вошла, держа что-то в руках, и протянула это врачу. У меня колотило в висках, отнимались пальцы рук и ног, пока доктор поворачивался ко мне с чудовищным оскалом... который, видать, считал улыбкой, и казнил меня каждым словом.

– Беременность подтвердилась, как я и думал. Я задам вашей доч..

– Подопечной, – поправила его Есения, а я смотрел перед собой застывшим взглядом и мысленно орал так, что у меня изо рта хлестала фонтаном кровь. Я даже видел ее на полу и везде по всему кабинету. Разве они не видят? На самом деле они, скорее всего, видели окаменевшего меня с застывшим взглядом.

– Пару вопросов задам и...

– Никаких вопросов, – почти исчезнувшим голосом прокричал я, – этого ребенка не будет. Аборт. Сегодня же. Сейчас же.

– Но надо узнать сроки... надо хотя бы...

– Я сказал аборт! Плевать на сроки! Вы вытащите из нее ЭТО, какой бы срок сейчас не был!

Повернулся к ней, чувствуя, как темнеет у самого перед глазами и плоть лохмотьями облазит изнутри. Такой адской боли я еще не испытывал никогда.

– Я не хочу делать аборт, – возразила бледная девочка, тяжело дыша и глядя на меня.

– Никого не волнует, чего ты хочешь! – рявкнул я. – Вычистить! Немедленно! Сейчас же!

Повернулся к врачу.

– Мне плевать, как вы это сделаете, но чтоб завтра в ней ничего не было!

Глава 3

Врач вышел, а я бросилась к Барскому и вцепилась в его рукав.

– Нет! Слышишь? Нет! Ты не имеешь права это решать! Не имеешь! Не смей распоряжаться мною и моим телом!

Повернулся ко мне с расширенными бешеными глазами.

– Имею. Этого не будет. Слышишь? Ты сделаешь, как я сказал, и этого... – он подбирал слова, КАК назвать нашего ребенка, а я в этот момент понимала, что умираю, что по мне идут трещины, и я вот-вот рассыплюсь на осколки и молекулы нескончаемой боли, – этого отродья не станет... ЭТО уберут из тебя!

– Это, как ты сказал, не отродье, это ребенок! И... и он не твой! НЕ ТВОЙ! Поэтому не смей им распоряжаться!

Схватил за горло и сдавил пальцы.

– Что ты сказала?

– Он не твой, – я цеплялась за этот мизерный шанс, как за соломинку, как за волосинку, на которой можно удержаться и не упасть в слипающийся позади меня кровавый мрак, – не твой. Он... он.

– ЧЕЙ? – загрохотал таким ревом, что у меня заложило уши.

– Он Яна...

– Лжешь! – тряхнул за горло, бешено вращая глазами, теряя все человеческое в облике. – Ты лжешь. У тебя не было на это времени!

– Ты плохо знаешь женщин? Время есть всегда. Ты не был со мной двадцать четыре часа в сутки.

– Был. Следил за каждым шагом.

Но неуверенность промелькнула в светлых, безумных глазах. Я впилась в его руку ногтями, ослепленная болью и каким-то диким, звериным инстинктом не позволить тронуть ребенка. Никогда не думала, что этот инстинкт просыпается настолько быстро, настолько мгновенно. Всего лишь час назад я даже не подозревала о его существовании.

– Пусть он родится, и мы проверим чей. Не тронь... я тебя возненавижу, я прокляну тебя.

– Плевать. Меня в этой жизни проклинали чаще, чем ты моргала. Я принял решение, и обсуждению оно не принадлежит. Собирай вещи – поедешь в клинику.

– Никуда не поеду. Не дам тебе этого сделать. Вначале придется убить меня.

– Ты меня недооцениваешь. Я не спрашивал твоего мнения. Если будешь мешать, усыпят и все равно вычистят. Сделай все по-хорошему, Есения, не зли меня, не своди с ума.

У меня не оставалось даже этого волоска, он рвал его, раздирали у меня на глазах.

– Я клянусь, никто не узнает. Ни одна живая душа не заподозрит, что это мог бы быть твой ребенок. Дай мне просто

уйти. Я просто исчезну из твоей жизни, и ты никогда меня не увидишь... Пойми... у меня никого нет. Это единственное родное. Мое. Моя кровь. Захар... умоляю тебя. Сжался. Он ведь крошечный. Он ничего тебе не сделал. Ты никогда меня не увидишь... после того, что ты совершил... с моими родителями. Пожалей моего малыша... Не убивай!

Когда я сказала о родителях, он изменился в лице, побледнел еще сильнее и отшвырнул меня от себя.

– Собирай вещи. У тебя, – посмотрел на часы, – полчаса. Через три дня вернешься домой и забудешь об этом. Будто ничего и не было. Начнешь жизнь сначала.

Нет, кого я прошу? В нем нет ни капли сострадания. Он же похож на каменное изваяние, на лед, который невозможно растопить.

– Ты не человек. Ты – дикий, взбесившийся зверь... Нет... хуже. Ты – монстр. Даже звери не трогают своих зверенышей, а защищают до последней капли крови... а ты даже не зверь. Ты нечто жуткое и бессердечное. Ты... чудовище!

Расхохотался, кривя рот. Он вообще походил на какого-то безумца, словно перестал быть собой. Я никогда его таким не видела.

– Да, я монстр. Жаль, что ты не видела этого раньше. Марш в свою комнату собирать манатки! Мне не до разговоров. Пошла... быстро!

Вытолкнул за дверь, и я увидела, как он распахнул дверцы бара, достал бутылку с коньяком, откупорил крышку зуба-

ми и прямо из горлышка сделал несколько глубоких глотков, потом дернул пальцами воротник и ослабил узел галстука.

В комнату я шла, шатаюсь и придерживаясь за стены. Я трезвела и в то же время ощущала, как нарастает пульсация боли и понимание о том, что я слишком много себе придумала, что я влюбилась не в человека, а в... морального урода, в ублюдка, не способного на чувства. Не знаю, почему забывала выпить таблетки, прописанные его знакомым врачом, я была юной и безалаберной, рассеянной, слишком витающей в облаках. Меня так шваркнуло о землю, что я все еще открывала широко рот и глотала воздух, немея от боли. Испугался... за свою карьеру, за свою семью. Да не важно за что. Он просто струсил, и я для него действительно никто. И была никем.

Зашла в спальню и прислонилась спиной к стене.... Понимания, что во мне есть еще одна жизнь, еще не пришло, но мысль, что меня тронут и заберут это маленькое и бесценное чудо, казалась невыносимой, казалась чудовищно жуткой. Нееет. Я не дам. У меня больше никого нет. Это мое... часть меня. Может, я не готова, может, я буду плохой матерью, может... не знаю, но я не могу убить своего малыша. Он мой прежде всего. Он растет во мне, и никто не имеет права у меня его забрать.

Я подошла к окну, посмотрела на карниз под окном и на забор, на машину, в которую грузили спиленные в саду засохшие деревья и кустарники, а потом перевела взгляд на

свой сотовый. Безумная мысль пронизала воспаленный мозг. Я должна попытаться, должна попробовать, должна! Схватила сотовый и набрала номер Яна.

– Привет... мне нужна твоя помощь. Если не испугаешься. А если откажешь, я пойму. Забери меня отсюда. Быстро. Прямо сейчас. Я вылезу из окна, через несколько минут откроют задние ворота, будут вывозить мусор. Вырубили несколько деревьев в саду, я проскочу, но ты должен ждать меня в машине.

– И... я-то приеду. Не вопрос. А дальше что? Думаешь, он тебя не найдет?

– Дальше высадишь меня где-то в городе, и я придумаю, что делать. Просто увези. Сможешь?

– Через сколько?

– Через... не знаю. Быстро. Как можно быстрее.

– Буду через семь минут.

Он отключился, а я бросилась переодеваться, стаскивать с себя ненавистное платье. Слез не было. Была решимость и злость. Была боль, перерастающая в невыносимую агонию, но я не позволяла ей овладеть мною, сломать меня. Потом. Я буду плакать позже, когда спрячусь от него. Куда? Я не знала куда. Мне некуда идти. Я еще ничего не решила и не придумала. Когда вылезла в окно, не возникло даже и капли страха, я не думала ни о чем. Я хотела только одного – бежать. Спустилась вниз и затаилась возле грузовика с сухими стволами и ветками. Вот-вот должны были открыть ворота. По-

смотрела на сотовый. Пришла смска от Яна «я здесь». Кивнула сама себе и приготовилась бежать возле бортика грузовика, чтоб никто не заметил.

Сама себе не поверила, когда удалось, когда уселась на переднее сиденье, и Ян сорвался с места, вдавливая педали газа.

– Что такое? Тебе опять что-то запретили или поссорилась со своим деспотом?

Я посмотрела на парня, задыхаясь и глотая каменный комок в горле.

– Женись на мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.